

Александр Лебедев

Неожиданные встречи

Александр Лебедев

Неожиданные встречи

«Автор»

2026

Лебедев А. В.

Неожиданные встречи / А. В. Лебедев — «Автор», 2026

В сборнике мистических рассказов «Неожиданные встречи» четко прослеживается интерес автора к паранормальным способностям человека, его поведению в исключительных ситуациях. когда реальная жизнь переплетается с мистикой и элементами фэнтези. Герои рассказов становятся участниками необъяснимых, сверхъестественных явлений, что создает особый эффект, позволяющий автору исследовать внутренний мир героя, более выпукло, рельефно изобразить их характеры. Рассказы не связаны между собой ни единой сюжетной линией, ни местом действия. Тем не менее сборник – это не отдельные истории, а единое целое. Рассказы объединяет неявная, но более глубокая связь – их герои совестливые, честные люди, которые прошли через тяжкие испытания и не сломались, не покорились. Они совершают поступки, вызывающие чувство гордости и уважения.

© Лебедев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Неожиданные встречи

Глава

ЛОВЕЦ ДУШ

Острый серп молодой луны легко разрезал низкие редкие облака. Мертвенно-белый свет освещал заросшую дорогу. Иногда за кустами просматривалась отливающая серебром гладь реки. Тянуло прохладой. Мокрая от ночной росы трава покорно ложилась под ноги. Алексей уверенно ориентировался на незнакомой местности, не прибегая к карте. Мышцы разогрелись, включились в привычную работу, давая возможность подумать, вспомнить последние события, которые круто изменили его жизнь.

Алексей возвращался с продовольственных складов, где подрабатывал на разгрузке. Из задумчивости его вывел звонкий окрик:

– Седой, стоп машины!

Голос мог принадлежать только одному человеку – Володьке Челнокову по прозвищу Челнок. Три года срочной и пять по контракту бок о бок во флотском спецназе. Дружить не дружили, однако относились друг к другу уважительно. Вместе не единожды смерть принимать готовились. Других приходилось жизни лишать. На войне как на войне. Уволились одновременно. У обоих семьи, по двое детей. Кормить надо. На мичманский оклад не разгонишься. Расставались со службой тяжело, будто по живому резали. Сейчас вроде и заработок приличный, а удовлетворения нет.

– Здорово, Седой! Давно не виделись. Я сыновьям твою фотку часто показываю. Запомните, говорю, дядю Лешу Седова. По гроб ему обязаны. Двести километров меня на себе пер, согревал, поил, кормил, выхаживал, как младенца. Рассказывай о жизни, жене, детях. Спорт не забросил? Чем занимаешься? – затараторил Челнок.

– На твои вопросы за день не ответишь, – растерянно улыбнулся Алексей.

– Намек понял. Право на борт. Видишь пивбар, зайдем, посидим. Фирма платит.

– Пойдем, – неохотно согласился Седов. Он торопился домой. Хотелось побыть с детьми. Совсем их не видит. На трех работах вкалывает.

Сели за столик в углу, чтобы не мешали.

– Рассказывай, – повторил Владимир.

– Особенно и нечего. Кручусь с утра до вечера, деньги зарабатываю. Пропади они пропадом. И так день за днем. Надоело.

– Ясно, сам через такое прошел. Зато теперь порядок. Полный коммунизм. Работаю по способности, получаю по потребности.

– Поделись опытом.

— Рад бы, да не имею право. Одно скажу. Ты в нашей конторе самым толковым был. Мне не дотянуться. Коли я устроился, тебе сам бог велел. Жди звонка. Не хмурься, наливай за встречу.

Выпили. Разговор не клеился. Третью осушили по обычаю стоя за тех, кого нет. Помолчали, обнялись и разошлись, каждый со своими заботами.

Прошла неделя. Челнок на связь не выходил. Алексей и надежды особой не питал. Володька парень горячий, отчаянный, жизнь за товарища положит, не моргнет. Один грех – обещания раздаст, да выполнять не торопится, обязанности не хватает.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Алексей взял трубку.

– Седов слушает.

– Алексей Иванович, извините, что не представляюсь, фамилия моя вам ничего не скажет. Наш общий знакомый рекомендовал вас как грамотного специалиста. Если не возражаете, предлагаю встретиться.

– Не возражаю, – равнодушно ответил Алексей.

В установленное время он подходил к небольшому особняку, стоявшему в конце тихой улочки. Живая изгородь полностью скрывала первый этаж. Его ждали. На открытой веранде в плетеном кресле, вытянув длинные ноги и подставив лицо майскому несмелому солнцу, сидел мужчина лет сорока-пятидесяти. При виде Седова он неожиданно быстро встал, мягко, легко, по-кошачьи двинулся навстречу. «Знакомая походка», – отметил Алексей. Последовала приветливая улыбка, цепкое рукопожатие.

– Рады видеть вас, Алексей Иванович. Проходите, гостем будете. Меня зовут Валерий Павлович.

В комнате, где они разместились в креслах, просто, уютно, ничего лишнего. Вошла молодая, симпатичная женщина.

– Анечка, – обратился к ней хозяин, – пожалуйста, кофе по-турецки Алексею Ивановичу, мне чаю. Заметив удивление Седова, шутливо развел руками, – неужели ошибся?

– Нет, правильно, – подтвердил Алексей. Какие еще подробности моей биографии стали достоянием общественности?

– Все. Мы знаем о вас все. Иначе не пригласили бы. Вы нам подходите. Осталось выяснить, подходим ли мы вам. Разговор откровенный, не для посторонних. Я представляю государственную организацию, которая, наряду с другими задачами, занимается проблемой сбора, хранения, обработки и использования информации, не совсем, скажем, обычным путем.

Валерий Павлович, говоривший до этого с нарочитой легкостью, пытливо посмотрел на Алексея, надолго задержав строгий, пронзительный взгляд, словно еще раз хотел убедиться в правильности выбора, затем располагающе улыбнулся и продолжил:

– Исследования велись много лет. Экспериментально подтверждено, что после смерти душа направляется в единый космический центр абсолютного знания. Удалось вычислить пути следования и пункты сбора. Один из таких пунктов находится на территории нашей области. Отработаны приемы захвата, транспортировки и хранения. Естественно наибольшую ценность представляют души выдающихся личностей. Настал период практической реализации. Надеюсь, понимаете, какие перспективы открываются в случае удачи? Отпадет необходимость в мощных разведцентрах, сети легальных и нелегальных шпионов, дорогостоящей аппаратуре. Достаточно поймать в ловушку душу нужного человека и слить, по выражению компьютерщиков, необходимую информацию. Вопросы есть?

– Найдутся.

– Внимательно слушаю.

– Что значит «Вы нам подходите»?

– Не только и не столько боевой опыт, впрочем, он тоже пригодится. Не мы одни ведем поиск в данном направлении. У вас сильная целостная биоэнергетика, почти идеальная, аура. Конечно, необходима некоторая коррективка.

– Что из себя представляет ловушка?

Валерий Павлович помедлил с ответом.

– Вы и есть ловушка.

– Поясните

– В отличие от электрических зарядов родственные души притягиваются. У вас душа творца. В вашем лице человечество потеряло талантливого биоинженера. Зато семья приобрела заботливого отца. Вечный вопрос: какая ипостась важнее?

– Допустим. И все-таки, каким образом?

– Методика, следующая. Мы заранее снимаем параметры биополя, биоритмов у интересующего нас человека. После его смерти корректируем ваши. Вы отправляетесь в место сбора, там и происходит слияние душ. Затем восстанавливаем ваши характеристики, пойманная душа отторгается и поступает в хранилище.

– Удастся ли преодолеть искушение сократить время пребывания на земле выбранного кандидата?

– Постараемся не допустить беззакония.

– Значит, душа лишается возможности попасть туда, куда ей предназначено?

– К сожалению. Пока мы не научились восстанавливать сущность. Приходится жертвовать малым во имя большого. Для вас риск сведем к минимуму. Если согласны, пройдете курс подготовки, проведем коррекцию – и в путь. Заработок приличный. За одну душу платим больше, чем получаете за год. Подумайте. Я оставлю вас, – тактично произнес Валерий Павлович и удалился.

Алексей прикрыл глаза, откинулся на спинку кресла. «Что думать, надо соглашаться. Дело знакомое: учеба, тренинг, задание. Фирма по всему видно, серьезная. Зачем лезть в глубину. Предложили хорошо оплачиваемую, интересную работу. Попробую», – решил Седов.

Несколько недель провел он в особняке. Менялись инструкторы. Алексей полностью восстановил приобретенные в отряде навыки, прослушал курс по психокоррекции, биоритмологии, защите, научился быстро подключаться к коллективному подсознанию, видеть ауру. Настал день, когда появился Валерий Павлович.

– Вы, Алексей оказались на редкость способным учеником. Пришла пора действовать.

– Когда?

– Сегодня и отправитесь. В папке все необходимое: билет на поезд, описание маршрута, местности, деньги. Желаю удачи. До встречи...

Начался легкий подъем. Речка в очередной раз спряталась в кустах, ушла вниз вправо. Темнота впереди сгустилась. «Кладбище», – догадался Седов. Дорога раздваивалась, огибая с двух сторон стоящее дозором огромное дерево. Когда-то оно первым встречало прибывавших на вечный покой. Пока идем по графику, с удовлетворением отметил Алексей, скинул легкий рюкзак, сунул руку в карман спортивных брюк, вспомнил, усмехнулся – курить нельзя, да и сигарет нет. Тело, вещи обработаны специальным раствором, чтобы исключить запахи. Седов обошел древнее кладбище, на месте которого теперь стояла небольшая роща, вернулся к дереву, сел, прислонившись к его теплой живой коре, раскрыл старинный медальон, висевший на шее на кожаном шнурке, долго всматривался в дорогие лица. Теплый комок подкатил к горлу. Приятно сознавать, что тебя любят и ждут, что ты нужен.

Предки умели выбирать места успокоения. Вокруг просторно, тихо, до неба рукой подать. Безмолвие не тяготило, не угнетало, помогало приобщиться к вечности.

Послышались неясные шорохи, вздохи. Показались стайки светлячков. Они перемещались на высоте человеческого роста, останавливались возле развилки, поджидая отставших, и скрывались в рощице. От очередной группы отделился один. Он медленно приближался, загораая ярче и ярче, будто подпитывался энергией. «Мой», – догадался Седов. Сердце забило сильно, неровно. Дыхание сбилось. Какая-то сила прижала его к стволу. Воздуха не хватало. Легкие, казалось, вот- вот, разорвут грудь. Светлячок ослепительно вспыхнул и исчез. Сразу стало легко, вместе с тем появились новые, неизвестные ощущения. Есть контакт. Алексей знал, на кого охотился, читал оперативку. Выдающийся физик вплотную подошел к воплощению идеи создания лазерной установки, способной разрушать кристаллическую решетку вещества. За ходом разработки оружия следили разведки ряда стран. «Теперь, благодаря мне, станет возможным довести начатое до конца», – похвалил себя Седов.

Между тем плененную душу интересовали не научные открытия. Она покинула физический мир и находилась в мире желаний, чувств и страстей. Слияние оказалось настолько пол-

ным, что Седов стал не ловушкой, а вторым воплощением физика. Чужие воспоминания, трагические, глубокие захлестнули Алексея. Настоящее сумасшествие. Разве можно так любить и быть таким безжалостным к себе и самому близкому человеку. Ради чего? Творчества? Карьеры? Славы? Денег?

В нем самом усиливалось состояние раздвоения. Долго такое не выдержать. Алексей поднялся и заспешил обратно. В нем боролись два человека.

– Подожди, осталось недолго.

– Я-то подожду, но каково душе физика. Она обречена на вечные скитания. То, что ты совершаешь, страшнее убийства.

– Будь проще. Нет никаких душ. Сгусток, облако, сверхслабое электромагнитное поле. Ты занят привычным делом, добываешь информацию.

– Соизмеримы ли цели и жертвы, потери? Не лукавь перед собой, отвечай.

– Ну что ты пристал. В подобных ситуациях нельзя не запачкаться.

– Так можно оправдать любую подлость. Хватит Седов, выходим из игры.

Алексей повернулся и пошел назад к кладбищу, постепенно ускорил шаг, затем перешел на бег. «Только бы успеть, только бы успеть», – стучало в висках. «Наконец. Кажется, успел. Сбор душ еще не закончен». Мокрый, обессиленный Алексей опустился на землю, отдышался и начал менять собственную частоту.

— Потерпи немного, потерпи, подберем ключ, откроем клетку, – приговаривал он.

Где-то в глубине маленькой точкой возникла боль. Она увеличивалась в размерах и многократно усиливалась. Душа физика не хотела расставаться с вновь приобретенным телом и выталкивала душу Седова. Оставалось ждать, кто победит.

БОЛЬШАЯ ПРИБОРКА

Я подскочил на кровати, потряс головой, силясь отогнать привиденное во сне. Жена стояла рядом, гладила, словно маленького, по голове и приговаривала: «Все хорошо, Володенька, все хорошо. Я с тобой, успокойся».

Два месяца я провалялся в госпитале, консультировался у известных невропатологов, психиатров, да видно бес толку. Вернулся домой, перестал принимать лекарства, и афганский синдром вновь напомнил о себе. Чудовищная смесь реальности и фантастики, давние события, казалось навсегда похороненные, отодвинутые более поздними, прорвались через несколько лет. Появлению их всегда предшествовали жестокие головные боли, мучившие меня ночами. Черепная коробка распухла. Найдя слабые места, хранящаяся далеко в подсознании информация, изливалась потоками лавы наружу. После чего приходила легкость, легкость больного человека, у которого кризис сменился выздоровлением. Происходило это почти еженощно и здорово выматывало. Я со страхом ложился в постель, отодвигал момент засыпания: читал, смотрел телевизор, пытался перехитрить самого себя. Однако рано или поздно засыпал и погружался в кошмар.

Я стою на вытяжку перед командиром разведывательного батальона, бритоголовым, коренастым майором. У комбата не лицо, а маска, ни каких эмоций. Война отняла у него семью, не просто закалила, а отсекала все то, что мешает планировать убийства и реализовывать намеченное. Он был жестким, иногда жестоким командиром. Человеческая жизнь и его в том числе, не имела для него самостоятельной ценности. Главное выполнить боевую задачу. Майор скуп, не охотно роняет слова: «Завтра на рассвете проникнешь на территорию, занятую моджахедами. Пойдешь через пески. Возьмешь восемь человек. Ребят я отобрал. Вам придется десантная рота. Идти строго в колонну по одному. Иначе засосет. Ты замыкающий. На той стороне выйдешь на связь. Рассчитывай только на свои силы, помощи ждать неоткуда и не от кого».

Нас девять. Впереди десантура. Лощина, которую предстоит перейти, полна песку. Песок живой, с тихим шелестом перемещается с места на место. Командир роты спускается в лощину. Песок доходит ему до щиколоток, затем до колен. Он погружается все глубже и глубже. Видна только голова и поднятые вверх руки, сжимающие автомат. Взгляд отрешенный, будто лейтенант уже оставил эту жизнь. Сто человек следует за ним, соблюдая дистанцию на вытянутую руку. Командира поглощает песок. На его месте образуется небольшая воронка. Потом пропадает и она. Движение не прекращается. С каждым шагом колонна теряет одного человека. Расстояние до противоположной стороны лощины неуклонно сокращается, и так же неуклонно исчезают люди. Настает и моя очередь. Песчинки щекотят подбородок, забивают нос, и тут нога нащупывает опору, неровную, зыбкую, как кочка. Я с ужасом понимаю, что мы ступаем по головам тех, кто шел впереди. Край лощины совсем близко, руку протянуть. Но и рота пропала бесследно. Уходит в песок первый из моих ребят, второй... Остались я и Алексей. Начинается подъем. Мы выбираемся наверх. Нет сил. Валимся на горячую, растрескавшуюся землю, долго, туго смотрим назад. Нас бьет нервный озноб. Я чуть не пропускаю сеанс связи.

– Нас двое, – шепчу непослушными губами.

– Этого вполне достаточно, – слышу в ответ. Вам необходимо уничтожить новое оружие. биоробот.

– Пока с вашей подачи уничтожена сотня парней.

– Они погибли, чтобы спасти тысячи.

– Для меня такая арифметика не подходит. Я учился другому.

– Именно поэтому капитан, никогда ты не станешь майором. Ладно, хватит сопلي жевать.

Задача ясна?

– Предельно. Если можете, поясните, что из себя представляет этот грозный противник, его слабые места, особенности.

– Если бы я знал. Вы будете в качестве приманки. Он сам найдет вас. Видимо он уже засек наш разговор. Хотите остаться в живых, найдете способ его уничтожить. Двигайтесь в юго-западном направлении. Конец связи.

– Конец так конец, – со злостью повторил я, и размахнувшись, забросил аппарат в лощину.

Мы встали, сняли береты, минуту постояли и двинулись на юго-запад. Солнце светило в затылок. Защитные очки не спасали. Раскаленный песок ослепительно блестел, противно скрипел под подошвами ботинок, подобно разбитому стеклу. Тени шагали впереди нас. Мы сами превратились в роботов. Солнце обходило слева. Однообразие, усталость притупило восприятие. Я не сразу уловил посторонний звук, который нарастал, усиливался. Тень накрыла нас. Я оглянулся и увидел огромных размеров существо. Оно напоминало известного персонажа детских сказок. Только голова одна, а не три. «Каюк» обожгла мысль. Тело между тем, помимо сознания совершало отработанные до автоматизма действия. Я упал на землю лицом вверх, вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. Пули отскакивали от блестящих чешуйчатых пластин, покрывавших тело чудовища. Оно пронеслось над нами и плавно пошло на разворот. «Сейчас угостим кое-чем посерьезнее», – пробормотал я, приходя в себя, извлек из ранца подствольный гранатомет, подождал, когда чудовище закончит разворот и выстрелил в голову. Взрыв, свист разлетающихся осколков. Результат нулевой. Через секунду чудовище схватило нас лапами и пронеслось дальше, набирая высоту. Мы извивались похоже на червячков только, что нанизанных на крючок. Голова чудовища повернулась к правой лапе, и Алексей исчез в темной пасти. За ним последовал и я. По огромному ярко красному языку, будто то по ленте транспортера мы скользнули в глотку, напоминавшую туннель, скатились по жестким, обдирающим кожу ворсинкам вниз, и оказались в огромном вытянутом мешке, стенки которого находились в постоянном движении. То сокращались, то растягивались. Мы стали перемещаться вдоль стенок мешка, медленно приближаясь к отверстию, вход в которое перекрывала пара вращаю-

щихся валов. Я понял – это конец. Мы попытались бежать и сразу осознали тщетность попыток. Тогда Алексей повернул назад и в отчаянии сунул автомат между валов. Ствол затянуло. Было видно, как легко, словно картонная коробка сплющивается металл. Алексей попытался освободить кисть от перехлестнувшего ее автоматного ремня. Он с такой силой дергал руку, что казалось, выдернет ее из сустава. Большая часть автомата скрылась в узкой щели. Валы безжалостно захватили кисть. Алексей закричал, и этот крик подействовал на меня отрезвляюще. Ко мне вернулось спокойствие. Так случалось всегда, когда смерть приходила за мной. Я достал гранаты, зажал их в обеих руках, зубами выдернул чеки и шагнул вперед. Вместо Алексея только кровавое пятно. Я сунул гранаты между валов и непроизвольно закрыл глаза. Сквозь плотно сжатые веки ощутил яркую вспышку, волна горячего воздуха ударила в лицо, я полетел куда-то в бездну, закричал... и проснулся.

Принимать транквилизаторы, к которым начал привыкать не хотелось. Запить в горькую, сесть на иглу тоже не выход. Может уйти в лес, в самую глушь и жить будто медведь в берлоге. По крайней мере, никому не мешаешь, никого не мучаешь. Я не знал, что делать.

Однажды возвращался с дачи на стареньком запорожце, доставшемся мне от отца. Вечерело. При въезде в город подсел мужчина, попросил довести до дворца культуры рыбаков. Обычный вроде мужичок. Неприметный, невысокий, худой. Пройдешь мимо не заметишь. Но когда он посмотрел мне в глаза внимательно долго, я понял, что он обладает огромной силой воздействия. Не физической, а духовной. На всех перекрестках на удивление при нашем приближении загорался зеленый свет. За время пути мы не сказали друг другу ни слова. Иногда я чувствовал на себе его изучающий взгляд. Когда добрались до места, он протянул визитку и произнес: «Меня зовут Алексей Федорович, фамилия Бодров, полагаю, что смогу вам помочь. Надумаете, обращайтесь. Буду рад». Открыл дверцу и растворился в темноте. На визитке лишь номер телефона. Я кинул ее в бардачок. Дома показал жене. Она почему-то сразу поверила и начала уговаривать: «Володя, это твой шанс». «Не бывает чудес», – отнекивался я. И все же на второй день позвонил. Договорились о встрече. Я пришел по указанному адресу. Обычная пятиэтажка, обычная квартира. Необычным было количество книг. Они заполняли пространство, не давили, а создавали удивительно спокойную обстановку. Я решил подшутить над хозяином:

- Книги у вас для интерьера?
- Сейчас это не модно, – ответил он.
- Неужели все прочитали?
- Представьте, практически все.
- Мне бы нескольких жизней не хватило.

– Мне бы тоже, если бы пользовался традиционным методом. На одну книгу у меня уходит несколько минут. Однако мы отвлеклись. Я знаю ваши проблемы, и все же желательно поглубже разобраться в причинах, расскажите подробно о сновидениях, а затем побеседуем о том, что можно предпринять. Согласны?

Бодров посмотрел на меня, и вновь показалось, что он и так все знает и только хочет проверить на сколько я искренен. Тем не менее, я выполнил просьбу. Он слушал внимательно, прикрыл руками глаза, не перебивал. Одно время подумалось, что Алексей Федорович задремал. Я замолчал и спросил.

- Вы слышите меня?

– Я смотрю. Ваши слова сразу превращаются в образы. Вы их только комментируете. Теперь полная ясность. Выслушайте предложения. Можно избавиться от кошмаров двумя способами. Покидать свое тело перед сном. Это облегчит существование, однако не устраняет причину, порождает проблемы и требует ежедневных усилий. Или сделать большую приборку в памяти, очистить ее оттого, что мешает. Это опасно и сложно. Первый освоить сравнительно легко, для второго требуется мое вмешательство. Предлагаю на ваше усмотрение такой путь: я

обучу вас первому способу, а когда возникнет необходимость, сам проведу операцию по корректировке памяти.

Я согласился и постепенно в начале с помощью Алексея Федоровича, а затем и самостоятельно научился выходить из телесной оболочки. Оставшись без энергетической подпитки тело, могло существовать в автономном режиме трое суток. Самое главное энергии не хватало, чтобы спровоцировать подсознание, раскачать память. Всем было хорошо. Я устраивался где-нибудь поудобнее и за ночь прочитывал до двух десятков книг, изредка, посматривал на лежащее рядом тело. В первую ночь забыл предупредить жену. Она проснулась, испуганно трясла меня, прикладывала ухо к груди, прислушивалась к дыханию. Затем, всхлипывая и причитая, бросилась к телефону вызывать скорую помощь. Я успел. Вошел в свою материальную форму, поднялся с постели, обнял жену за плечи. Она вскрикнула от неожиданности, бросила трубку, разрыдалась.

Володя, что с тобой, ты лежал, неподвижный, холодный, настоящая ледышка, не дышал.

Я объяснил. Жена недоверчиво посмотрела на меня. Не новый ли бзик у любимого супруга. Нет, вроде не похоже.

– И так будет каждый день?

– Пока да. Спокойный сон обеспечен и тебе и мне. Дальше поглядим.

На том и порешили.

Читал я много, бессистемно, в основном различную справочную литературу и скоро, по выражению супруги превратился в «ходячую энциклопедию». Она теперь не заглядывала в кулинарные книги, чтобы приготовить экзотическое блюдо, обращалась ко мне: «Володя, ну-ка выдай рецепт...»

Учитель, так стал называть я Алексея Федоровича, ругал меня: «Не разбрасывайся, Владимир, жизнь коротка. Знания важны, необходимы, и вместе с тем бессмысленны, если нет навыков и умений». Возможно, я бы остановился на первом варианте, если бы со временем не стал замечать, что родное, знакомое мне тело становится чужим. Я влезал в него утром, словно в новые туфли. Там жмет, здесь давит. Мы отдалялись друг от друга, переставали быть единым целым. Поделился своими наблюдениями с Алексеем Федоровичем. Тот заметил:

– Стало быть, возможности исчерпаны. Надо или возвращаться к прежней жизни, или попробовать второй вариант.

– Лучше мучиться кошмарами, чем лишиться памяти, пусть и частично. Это прожито мною. Я ни о чем не жалею и стыдиться мне нечего.

– Согласен, Владимир. И для того, чтобы жить и мучиться, и для того, чтобы решиться на операцию, необходимо мужество и не малое. Давай подождем. Попробуй относиться к кошмарам, как к неизбежному, не напрягайся, не живи ожиданием, меньше думай о предстоящей встрече с прошлым, тогда картины будут менее яркими, смазанными.

Алексей Федорович оказался прав. Стало полегче, хотя и не на много. Ведь нет большой разницы, болит один палец, или вся нога. Короче говоря, долго я не выдержал, пришел к учителю со словами: «Хватит, согласен на операцию». Алексей Федорович не удивился: «Сядь, запиши на кассету свой афганский период. На всякий случай. После чего и начнем». Часа три я изливал душу. Затем появился учитель, уложил меня на диван, включил музыкальный центр. Звуки музыки наполнили комнату. Алексей Федорович посмотрел мне в глаза, и я стал воспринимать происходящее отстраненно, будто со стороны. Я наблюдал за учителем. Тот сел на коврик и начал медитировать. Он то увеличивался в размерах, то уменьшался. Переходы эти становились с каждым разом более резкими, амплитуда колебаний росла, и вот Алексей Федорович исчез, будто растворился. Я слышал только его голос.

– Владимир, не волнуйся, я внутри тебя. Перемещаюсь по венам в сторону сердца. Прошел через него. По артериям приближаюсь к головному мозгу. Я в капиллярах. Подхожу к центру, ответственному за память. Какие испытываешь ощущения?

– Будто муха по лбу ползет. Не больно, но неприятно.

– Наберись терпения. Я начинаю выжигать клетки, где храниться информация. Работа долгая. Прошу еще раз потерпи.

Я чувствовал только легкое покалывание. Прошло довольно-таки много времени. Наконец раздался еле слышный голос учителя.

– Владимир, я закончил. Пока останусь здесь. На сколько чисто сработал, узнаешь сегодня ночью.

– Не иначе, Алексей Федорович, собираетесь к моим мозгам свои добавить, – пошутил я.

– Все проще и серьезнее, Володя. Увлекся, не рассчитал, слишком много энергии израсходовал на приборку, и нет сил, чтобы выбраться.

– Что же делать? – встревожено спросил я.

– Не знаю. Пока не знаю. Будем думать вместе, только не сейчас. Нам обоим надо отдохнуть.

ДЕРЕВО ИИСУСА

Сказать, что этот год был для Виктора Яковлевича тяжелым, ничего не сказать. Пережил столько, не приведи господь никому. Сын единственный, продолжатель рода Никифоровых сгинул. Как теперь пишут: «Вышел из дома и не вернулся». Виктор Яковлевич неделю с милицией боролся, чтобы розыск начали. Жена, и до того здоровьем слабая, слегла. Через полгода схоронил. Сам инфарктом отделался. Выписался из госпиталя, бродил по квартире. Одиноко, тоскливо. Постель разобрал, лег. Сон не шел. Как в забытье. Сколько пролежал? Неизвестно. Вдруг слышит родной голос. Жена: «Володенька, что же не поможешь. Замерзла совсем». Словно наяву видит Виктор Яковлевич Ларису: бредет она по глубокому снегу. Босая, в ночной рубашке, на плечах шаль накинута, губы посинели, в глазах слезы, каждый шаг с трудом дается, силы на исходе. Не к нему идет, от него уходит. Пытается Никифоров догнать ее, да ноги, словно в землю вросли. Кричит в отчаянии: «Лариса!». Жена оглядывается испуганно и пропадает. Не успел Виктор Яковлевич опомниться, супруга уже в спальне на стуле сидит, на спинку облокотилась, смотрит с укоризной. Стали видаться они ежедневно. И все бы ничего, да больно вид у жены несчастный. Тяжко ей. Самое страшное наказание знать, что мучается близкий человек, а ты бессилен помочь. Почернел лицом Виктор Яковлевич, осунулся, замкнулся. С кем поделишься? Посторонним неинтересно. Друзья на смех подымут, посоветуют у психиатра проконсультироваться или пить меньше. Честно говоря, спиртное помогало. Стакан водки вольешь в себя вечером и спишь без сновидений, зато на следующий день Лариса жалуется:

– Ты, Витя, почему на свидание не явился? Я в ожидании извелась. Мы с тобой любили друг друга крепко, срослись, словно единое целое. Навещаю тебя, беспокою. Понимаю, что мучаю, только поделать ничего не могу. Не властна теперь над душой своею.

Стыдно перед женой. Встречи для нее большое облегчение.

– Придется, Лариса, в твои края перебираться.

– Что, ты Витя, грех большой. Живи, радуйся. Не понимаете, вы, мирские, какое это счастье необыкновенное.

– Где выход, Лариса? Со мной расстаться не можешь и к себе идти запрещаешь.

– Подумай, не спеши, может, что на ум и придет.

Весна наступила. Солнце землю пригревает. Снег почернел, таять начал. Зима напоследок о себе напомнила. Морозец ударил. Гололед такой, впору на улицу не выходить. Никифоров возвращался с работы. Редкие прохожие совершали немыслимые пируэты, стремясь сохранить равновесие. Впереди шла женщина. Шла, в отличие от других, уверенно, без видимых усилий. Молодо, ровно держала спину. Виктор Яковлевич обратил на нее внимание, отметил: «Не иначе, балерина, либо гимнастка». Не успел за нее порадоваться, как незнакомка

не суетливо, без лишних движений рухнула на землю, еле слышно «ойкнув». Никифоров насколько возможно ускорил шаг. Женщина пыталась встать. Попытки эти причиняли ее боль. Она упрямо закусила губу и покосилась на склонившегося Виктора Яковлевича.

– Вам помочь?

Потерпевшая молча кивнула, оперлась о протянутую руку, вновь ойкнула и виновато произнесла.

– Что-то с ногой.

– Предлагаю вызвать «скорую».

– Ни в коем случае. Если не трудно, помогите добраться до дома. Я сама разберусь, что и как.

Никифоров остановил такси, вместе с водителем они донесли женщину до машины, устроили на заднем сидении. В квартире незнакомка пришла в себя, пыталась улыбаться, шутить.

– Мы с вами друг другу руки протягивали, а не познакомились. Меня зовут Мария Иосифовна.

– Виктор Яковлевич, – представился Никифоров.

– Виктор Яковлевич, две просьбы. Принесите из холодильника керамическую бутылку и чайник поставьте. Я вас кофе напою. Хотя, – добавила она виновато, – скорее наоборот, вы меня.

Мария Иосифовна быстро, профессионально прощупала голеностопный сустав и сделала однозначное заключение: «Перелома нет, растяжение связок». Она натерла больное место мазью, извлеченной из бутылки, обернула эластичным бинтом и победно улыбнулась. «Завтра буду, как огурчик, соленый, конечно, не свежий». За чашкой кофе разговорились. Чувствовалось родство душ. Это улавливается сразу по мельчайшим деталям. Разоткровенничались, поделились своими жизненными историями. Виктор Яковлевич засобирался. Хозяйка поблагодарила за содействие и после недолгого колебания произнесла.

– Кажется, я знаю, что вам нужно. Я подарю вам растение. Оно передается в нашей семье из поколения в поколение. К сожалению, на мне фамилия закончилась. Растение называется дерево Иисуса.

– Почему именно так?

– Наверное, потому, что живет тридцать три года, цветет раз в год алыми мелкими, меньше ногтя цветками. Высоты достигает человеческого роста. Ствол извилистый, сучковатый, сплошь усеянный острыми шипами. В последний год распускается всего один цветок. Веточку с этим цветком аккуратно срезают и высаживают.

– Сами не хотите ухаживать?

– С радостью, только возраст дерева семь лет. Я же долго не протяну.

Никифоров с недоверием посмотрел на нее.

– Не удивляйтесь, внешний вид обманчив. Вы ни разу на воздушном шаре не летали? Мне приходилось. Пока горелка работает, купол тугой, гладкий. Перестали воздух нагревать, сморщился шар, жизнь из него уходит. То же и со мной. Энергия моя на исходе, а извне не поступает. Как? Почему? Плохо или хорошо? Не знаю и знать не хочу. Видно, так надо. Одна забота: дерево Иисуса в надежные руки передать.

– Какие у меня руки не мне судить, однако заботиться обещаю. Привык кого-то опекать.

– Соглашайтесь, Владимир Яковлевич. Не только вы о нем, и оно о вас заботиться станет.

– Загадками говорите.

– Уверена, у вас все получится. Изменения в вашей жизни пойдут к лучшему.

– Сомневаюсь, при всех моих достоинствах до Иисуса мне не дотянуться. Каждый шаг сверять с сыном божьим не готов. Сколько мне отпущено? Неизвестно.

– Не принуждает никто, не торопит. Дела ваши прошлые достойны, на будущее что загадывать.

– Неужто все обо мне знаете?

– Кое-что известно, и встреча наша не случайна. Хотя выбор не мой.

– Вы что же специально упали, ногу подвернули?

– Чудак-человек повторяю: выбор не мой.

– Если не ваш, тогда напрасны мои сомнения.

– Вовсе нет. Господь всем поверить готов. Да только большинство людей доверие не оправдывает.

– Хорошо, Мария Иосифовна, решение принял, забираю подарок. Там, видно, как сложится. Вам здоровья и до встречи. Через год отчитаюсь.

– И вам всего доброго. Прощайте, – голос женщины дрогнул.

Никифоров осторожно нес картонную коробку с деревом Иисуса и размышлял, где его посадить. До дома дошел, ничего не придумал. В квартире осмотрелся и впервые обратил внимание на ее нежилой вид. Походил по комнатам, подумал: «Зачем мне эти хоромы и для кого?» Вспомнил сослуживца, недавно переехавшего в деревню. «До работы добираться чуть дольше, зато свежий воздух, лес рядом, грибы, рыбалка» – хвастался тот. «Может и мне переселиться. Будем жить вдвоем с Иисусом. Лягу спать, посоветуюсь с Ларисой». Усмехнулся «Как с живой. Чудеса». Он взглянул на часы. Скоро двенадцать ночи, можно и на свидание опоздать. Владимир Яковлевич лег, закрыл глаза, задремал. Ровно в полночь появилась жена. Сидела как обычно в углу на стуле, зябко кутаясь в шаль.

– Что новенького, Володенька? Рассказывай.

– Событий вроде бы особых не произошло, разве, что деревце подарили. Название чудное – дерево Иисуса. Хочу с тобой посоветоваться. Собрался в деревню переезжать, что мне здесь одному. Вот не знаю, сможем ли там видаться?

– Решение твое одобряю. В нашем возрасте надо к природе, к земле поближе. Свидания наши прекратятся. Не переживай, однако. Не вечна наша разлука. Даст бог, встретимся еще.

– Нет, не пойдет. Как же я допущу, чтобы ты из-за меня и деревца пусть и Иисусова, страдала.

– Не все тебе плечо подставлять, а мне за твоей спиной хорониться. И переедешь не по прихоти, святое дело делаешь.

– Откуда тебе известно?

– Там, где я, словно в большом селе, ничего не скроешь. Не мучься зря.

– Рассудком понимаю, правильны твои суждения. Только сердцу не прикажешь.

– Ради любви нашей, Володенька, не сомневайся, верши задуманное. До свидания.

Лариса торопливо встала, отступила в угол и словно не было ее. Никифоров до утра промаялся и после долгих колебаний внял совету жены. С обменом, переездом на удивление быстро решилось. Вариант подобрался подходящий, привлекательный. Майские праздники Никифоров встретил в деревне. Цвела черемуха. Дурмящий запах ее волновал, будил воспоминания о молодости. На новом месте Владимир Яковлевич ложился и вставал рано, спал крепко, работал много. Забот хватало. Перед домом выбрал место возвышенное, вскопал землю, удобрил и на Пасху посадил дерево Иисуса. Огородил вокруг. Жена больше не беспокоила, не приходила. Вспоминалось о ней часто, но боль утраты притупилась, и душа не терзалась так сильно, как прежде. С деревом Иисуса Никифоров общался, словно с близким. Делился самым сокровенным. Замечал, когда он был в добром настроении, и деревцо хорошо, листочки становились ярко зелеными, блестели. Когда не ладилось, деревце тускнело, ветки безвольно опускались, будто руки человека безмерно уставшего, разуверившегося, потерявшего надежду на спасение.

Однажды Никифоров возвращался с электрички. Тучи, весь день бродившие разрозненными стайками, укрыли небо темно-серым покрывалом. Громыкнуло, вначале вдали, затем ближе. Молнии перекрестили небо. Дождь хлынул сразу, без подготовки. Мощный поток воды вмиг промочил до нитки. Детвора высыпала на улицу, бегала под дождем. Кто в трусиках, кто голышом. С восторгом шлепала босыми ногами по лужам. Вновь сверкнули молнии, острия их были направлены на дерево Иисуса. «Все, конец, сожжет», – пронеслось в голове. Никифоров побежал, дождь хлестал по лицу, заливал глаза. Запыхавшись, ухватился за ограду. Деревце стояло довольное, веселое. Молнии продолжали сверкать, ветки тянулись вверх, притягивали разряды, искры сыпались во все стороны. Молнии, змеились вокруг в опасной близости, пахло озоном, но Никифоров смотрел, завороченно, вцепившись рукам в изгородь. С тех пор, если находился дома, выходил в грозу и смотрел на деревце и словно сам заряжался энергией.

Владимир Яковлевич поставил перед изгородью скамейку, затем еще одну. В конце концов, скамейки выстроились в круговую. Сюда приходили посидеть, отдохнуть, полюбоваться деревцем жители деревни. Со многими из них Никифоров познакомился, с удовольствием выполнял различные их просьбы в городе. Особенно сдружился с соседским парнем Андреем. Отца Андрей не помнил. Мать попыталась одна без мужика управиться. Да где там. Хозяйство постепенно развалилось. Она махнула рукой и запила в горькую. Сыном не занималась. Тот рос, будто трава в поле. Но не забил его сорняк. Поднялся парень ладный, серьезный. Душа открытая, добрая. Встретились два одиночества, оказались нужны друг другу. Андрей хвостиком за Никифоровым ходил, в рот заглядывал, видно, не хватало ему мужского общения. Владимир Яковлевич нерастроченные родительские чувства на Андрюху перенес.

Время шло. Дни летели незаметно. На деревце появились бутоны, тугие зеленые комочки. Беспокойство овладело Никифоровым. Жизнь вроде размеренная, спокойная, а душа мечется. «Не иначе зовет меня Лариса, ждет, не даром не прощалась. Видно совсем плохо ей и нет иного пути помочь, как к ней следовать. Ну что же, надо так надо. Андрей не пропадет. Надежный, чистый. Таким и по жизни пойдет. Плохо, надежды Марии Иосифовны не оправдал. Хотя почему не оправдал? Для деревца неважно: Никифоров или Петров за ним ухаживает, оберегает. Лишь бы в согласии с совестью тот человек был». Владимир Яковлевич вышел из дома. На скамейке у изгороди сидел Андрей. Вот и сменщик подошел. Улыбнулся Никифоров. Он присел рядом, обнял парня за плечи.

– Расставание предстоит нам, Андрюха.

– Далеко ли собрались?

– Не близко. Однако вначале дом на тебя оформлю. Ухаживай за деревцем, как учил. Главное – жизнь ему продлить. Я в тебя верю. Все хорошо у тебя будет: и счастье, и любовь познаешь, и других счастливыми сделаешь.

– Дядя Володя, возьмите меня с собой, одиноко без вас будет.

– Ты мужик правильный, Андрюха, силы в тебе есть, переможешься. Мне одному человеку помочь надо, худо ему. Не обижайся. Познакомились вроде недавно, а дорогим стал. Такие пироги. Давай на боковую, поздно.

Никифоров еще раз крепко прижал к себе худое тело парня.

День прошел в беготне, хлопотах. Вечером зашел к соседям передать документы. Мать Андрея сидела за столом трезвая, строгая. Никифоров обратился к ней.

– Ты, если ум не пропила, послушай совета. На ногах у сына гирями не висни, шагать не мешай. Дорога у него прямая, светлая. Что в моих силах было, я сделал.

– Спасибо, Яковлевич, за доброту, век помнить буду.

– Это не обязательно. Прощайте.

– Ты сам-то, что удумал?

– У меня все по плану.

На улице дышалось тяжело. Воздух липкий, влажный, предгрозово́й. Луна потерялась в низких облаках. Дома Владимир Яковлевич, не включая света, умылся и сел перед раскрытым окном. Ветер усилился. Он, словно пастух, сгонял потемневшие облака в стадо. Вскоре, как удары бича, послышались резкие, сухие раскаты грома. Засверкали далекие молнии. Пора. Никифоров встал, переоделся в чистое белье, надел свадебный костюм, который вместе с платьем и фатой жены хранился в чехле в шкафу и вышел во двор. Пошел мелкий дождь. Сидящий на скамейках народ начал расходиться. Владимир Яковлевич остановился возле ограды. Молнии вспыхивали ослепительно. На небе на мгновение появлялись рваные кровавые раны. Ветви дерева ожили, вздрогнули, напряглись в ожидании. Молнии теперь сверкали непрерывно. Зигзаги их соединились с ветками. Бутон лопнул, капельками крови заалел цветок. Вспышки молний огненной стеной окружили дерево Иисуса.

Никифоров перекрестился, шагнул в этот костер и исчез.

НЕОЖИДААННЫЕ ВСТРЕЧИ

Капитан второго ранга Боголепов Иван Петрович – флагманский штурман дивизии ракетных кораблей, жил размеренно, как и большинство его знакомых. Семья, служба, редкие часы отдыха. Специалист он был грамотный, толковый, уважаемый и начальниками, и сослуживцами. Жена Лариса любила его без оглядки. Сынишка, родившийся после нескольких лет неудачных попыток завести ребенка, рос смышленным, любознательным. Почему вдруг эта идиллия оказалась такой хрупкой? Почему вроде бы совершенно случайные обстоятельства повлияли на Боголепова и заставили его на сто восемьдесят градусов изменить жизненный курс? Осталось загадкой и для него, и для окружающих. Но только не для жены.

Началось все с ресторана. Начальник штаба устроил отвальную. Собралась сугубо мужская компания. Боголепов не любил застольных бесед, сидел, молчал, в разговоре не участвовал. Кто-то похлопал его сзади по плечу. В рослом, спортивного сложения мужчине, с открытым, располагающим к доверию лицом, Боголепов с трудом узнал своего бывшего подчиненного, командира отделения рулевых. И немудрено. Сколько лет прошло.

– Здорово, Василий. Откуда ты взялся? – обрадовался Иван Петрович.

– Отмечаем мой день рождения. Приглашаю выпить за встречу.

За столиком оживленно беседовали две молодые женщины. Быков представил их: «Моя жена Валентина, а это прекрасное создание зовут Снежана». Взглянул Боголепов на Снежану и спекся. Весь вечер танцевал с новой знакомой. Веселил, болтал без умолку, чего раньше за ним не замечалось. Снежана дала свой телефон. Провожать не разрешила. Домой Боголепов пришел поздно. Сын спит. Прошел на кухню чаю попить. Лариса рядом пристроилась, присматривается.

– Ты, Ваня, необычный какой-то.

– Ясное дело, выпил изрядно.

– Тут иное.

– Не усложняй. Пойдем спать.

Свет погасили. Не спится Ивану Петровичу, ворочается с боку на бок. Лариса лежит тихо, притаилась, будто мышь. Потом заговорила:

– Знаешь, Ваня, мне с тобой хорошо, спокойно. Знакомые завидуют. А меня не покидает ощущение тревоги. Сегодня оно усилилось, превратилось в чувство опасности, которую я не могу предотвратить. Что за этим стоит, не пойму.

– Не выдумывай. Нет причин для беспокойства.

Между тем, случайное знакомство переросло в бурную страсть. В Снежане было столько энергии, что, созданный из негорючих материалов, Боголепов вспыхнул ярким пламенем. Совсем потерял голову от новых, ярких впечатлений, через неделю собрал чемодан и объявил

жене, что полюбил другую и уходит. Лариса восприняла заявление мужа внешне спокойно, только на дверной косяк облокотилась, чтобы не упасть, да лицо окаменело, и в глазах боль застыла.

– Чего ждала, то и случилось. Убеждать, и уговаривать не буду, сил нет и желания. Пусто внутри. Не во мне дело и не в сыне. Тебя жалко. Сам себя лишил помощи, поддержки. Вниз покатишься, никто не остановит, еще и подтолкнут. Ладно, бог даст, все обойдется для тебя благополучно. Нас не ищи. Уедем с сыном и больше не увидимся.

– Не разыгрывай трагедию, Лариса. Сколько людей разводятся и общаются, и детей воспитывают.

– Прожили мы с тобой много, а жену свою бывшую не знаешь. Не раз предчувствие мое помогало неприятностей избежать. Пока вместе были, друг за друга держались, обходила беда стороной. Теперь всех троих несчастья ждут. Помяни мои слова. Прощай, Ваня.

Полгода пролетело что один день. Пьянки, гулянки, гости, рестораны. Откуда у Снежаны деньги, на что живет, не задумывался. Но все когда-нибудь кончается. Заявляет ему сожительница.

– Послушай, дорогой, бабки у меня на исходе. Твоя нищенская зарплата жить, как я привыкла, не позволит. Если не хочешь меня потерять, увольняйся и ищи приличную работу.

– Снежана, я без флота жизни не представляю.

– Выбирай, что дороже.

Ходил Боголепов, словно потерянный. Через несколько дней положил на стол начальнику штаба рапорт об увольнении из рядов вооруженных сил. Работу на гражданке найти оказалось непросто. Перебивался случайными заработками. Снежана губки брезгливо морщила и с презрением роняла: «Твоих денег на карманные расходы не хватит». Иван Петрович унижение терпел, клялся, что скоро начнет зарабатывать больше. Однажды возвращается Боголепов вечером, а Снежана с порога:

– Послушай, милый, поиграли в любовь и хватит. Ты меня содержать не в состоянии, разбегаемся в разные стороны.

– Как же я без тебя, – оторопел Иван Петрович.

– Мужик ты здоровый, симпатичный. Только не для меня. Освобождай помещение.

Побитой собакой плелся по улице Боголепов и впервые за это время вспомнил о жене и сыне. Пристроил его по старой дружбе комендант флотского общежития, комнатку выделил. Несколько раз заходил Иван Петрович к Снежане, через порог разговаривали. При последнем посещении дверь открыл здоровенный бугай и предупредил: «Еще раз появишься, башку отверну. Гуляй». И загулял Боголепов от рубля и выше. Запил в горькую. Вначале стеснялся, знакомых стороной обходил, потом, и деньги занимать стал, и бутылки собирать на опохмелку. В таком вот непотребном виде вновь встретил Василия Быкова.

– Привет, командир, здоровье поправить не хочешь?

– В самый раз бы. Колосники горят. Плеснуть чутка надо.

Зашли в приличное заведение. Официант на Ивана Петровича покосился, однако обслужил, как положено. Быков пить не стал, сослался на дела. О себе много не рассказывал.

– Давай Петрович, к нам. Ум у тебя светлый. Будешь нашим мозговым центром. Вот моя визитка. Завтра приходи трезвым и побритым. Добро?

Боголепов кивнул и, чтобы скрыть навернувшиеся слезы, отвернулся. Утром Иван Петрович чисто выбритый, подтянутый, со штурманской точностью подходил по указанному адресу. Солидная, бронзовая вывеска извещала, что в этом здании находится благотворительный фонд «Счастливое детство». Боголепов назвал свою фамилию, и охранник проводил его до двери с табличкой «Исполнительный директор Быков Василий Иванович».

– Рад видеть в добром здравии. Вид боевой, решительный, – приветствовал его Василий, – если не возражаешь, сразу к делу.

– Какие возражения. Для того и прибыл.
– Что за заведение, наверняка прочитал. Цели благородные – помочь детям, оставшимся без родителей. Спонсоры есть, к вот денег не хватает. Мы нашли способ легального, как говорил Остап Бендер, отъема денег у тех, кто их нечестно зарабатывает. Ты не против таких методов?

– Однозначно не ответишь. Поживем, увидим. Экономист из меня никудышный.
– Не беспокойся. В отделе настоящие асы трудятся. Учебу организуем. Дальнейшее от тебя зависит. Уверен, справишься. Решай.

– Ты за меня решил. Долго я в дерьме барахтался, чуть не захлебнулся. Попробую. Не получится, держаться не буду. Сам уйду.

– Вот и отлично, пойдем, познакомимся с подчиненными. Многие Авган, Чечню прошли. Лишних вопросов не задавай. В душу не лезь. Меньше знаешь, дольше проживешь.

Зажил Боголепов сытно. Квартира, машина. Денег хватало. На выходные мог и на Канары слетать искупаться. Работа интересная. Мозгами шевелить надо. Смущали отношения между сотрудниками: непривычные, чисто деловые. Поделился своими впечатлениями с Василием, тот поморщился.

– Тебе не за сердечность платят. Пословицу помнишь? С волками жить по-волчьи выть. Кстати, завтра еду проверять дела на одной из наших спортивных баз. Присоединяйся.

Утром на машине Быкова отправились на базу.

– Петрович, как тебе смотрятся орлы, что на заднем сиденье расположились, – обратился Василий к Боголепову.

– Крепкие ребята. Суровые больно.

– Жизнь тяжелая. Наши, детдомовские. Практически весь оперативный отдел ими укомплектован.

Добрались быстро. Встретила охрана, одетая в камуфляжную форму.

– База отдыха завода «Пламя». Выкупили, чтобы ребята имели возможность и учиться, и отдыхать, и заниматься спортом, – на правах хозяина пояснил Василий.

По аллее строевым шагом под барабан прошагал отряд подростков. Они также были одеты в униформу. Быков кивнул приехавшим с ними молодцам.

– Вы занимайтесь по своему плану, а мы с Иваном Петровичем пройдемся по территории. На спортивной площадке группа юношей отрабатывала элементы рукопашного боя.

– Не покалечат они друг друга? – спросил Иван Петрович.

– Пусть привыкают. Мы из них бойцов готовим, – ответил Василий.

После обеда Быков уединился с начальником базы. Боголепов задумал прогуляться по лесу. То и дело попадались вывороченные ветром деревья. У одного из таких поверженных великанов Иван Петрович остановился. Шорох за спиной заставил его оглянуться. Шагах в десяти стояли три волка. Вели они себя странно: не скалились, не рычали, не рвались безрассудно вперед. Два крайних, крупных, с почти черной шерстью на спинах легли на землю, средний помельче светло-серой масти не спеша приближался, прижимая Боголепова к корневищу. Иван Петрович каким-то чудом уловил начало броска, пригнулся и оказался под защитой выступающих белых, словно кости, острых обломков корней. Хищник понял ошибку, оттолкнулся лапами от дерева, извернулся и все-таки напоролся на торчащий сук, зарычал от боли и, покрыв в прыжке приличное расстояние, пропал в кустах. Исчезли и остальные волки. Ноги не держали. Боголепов опустился на землю, зажмурил глаза, встряхнул головой. Не привиделось ли? Нет. Рукав ветровки распорот, на предплечье багровеет рубец. Боголепов подождал, когда спадет нервное напряжение, уймется дрожь, поднялся и побрел в сторону базы. Его встретил охранник.

– Поторапливайтесь, вас ждут в машине. У Василия Ивановича язва обострилась.

Быков сидел на заднем сидении, прижал руки к животу.

- Я и не знал, что у тебя язва, – обратился к нему Боголепов.
- Пройдет. Я живучий. Ты где лазил?
- Волки напали, ели отбил.
- Не сочиняй. Нельзя одного оставлять без присмотра, обязательно что-нибудь случится,
- съязвил Василий.

– Тебя тоже, – напомнил Боголепов.

Оба замолчали, задумались о своем.

Иван Петрович полностью освоился с должностью и теперь имел возможность «осмотреться в отсеках». Его аналитический ум складывал из мозаики отдельных фактов картину окружающей обстановки. И эта обстановка ему не нравилась. Чтобы сделать окончательный вывод, при случае, как бы между прочим, спросил Быкова:

– Василий, скажи, пожалуйста, клиент, которого недавно прихлопнули, поделился с нами?

– Не помню, кажется, не успел. Полный беспредел творится. Милиция со своими УБО-Пами словно сонные мухи, лишь статистику ведут. Ни одного раскрытия. Ты почему заинтересовался?

– Жалко. Получается, напрасно трудились.

– Не расстраивайся. Без осечек в нашем деле не бывает.

Они перешли на другие темы. Но каждый понимал – тайное стало явным.

– После работы по женщинам, наверное, ударишь? – поинтересовался Быков.

– Не до женщин. Погуляю немного и в люлю.

– Смотри, не потеряйся. Темнеет рано.

– Опекаешь словно маленького.

— Ты особо важная персона, владеющая секретной информацией. Скоро охрану приставим. Шучу. Думаю, до этого дело не дойдет.

Боголепов зашел к себе в кабинет, взял из сейфа флешку, со скаченной с компьютера информацией и вышел на улицу. Свежий морозный воздух бодрил, успокаивал: «Опять вляпался ты, Иван Петрович, по самые уши. Не отмыться, «соратники» в покое не оставят и жить долго не дадут. Ладно. Сейчас главное Ларису и сына повидать. А там видно будет. Скорее всего, у тестя они в деревне». Иван Петрович забежал на квартиру, забрал необходимые документы, спустился в гараж, проверил машину, похлопал по крылу: «Не подведи». Через шестнадцать часов гонки он подъезжал к деревне, где проживал тесть. Дом встретил темными окнами. Боголепов поднялся на крыльцо, расчистил ногой снег, откинул крючок и вошел. Изба выстыла. Видно давно не топили. У печки лежала аккуратно сложенная поленица дров. Никаких признаков пребывания жены, сына и тестя. Куда подевались? Иван Петрович затопил печь, присел на корточки, неотрывно смотрел на огонь и вспоминал, с какой радостью встречали его здесь. Заранее готовились, топили баню, накрывали стол. Тесть наливал в граненые стограммовые стопки, настоящий на дубовой коре и зверобое самогон, разглаживал казацкие усы, чокался и произносил: «Со свиданьем».

Из задумчивости его вывели шаркающие шаги и знакомый голос.

– Кто тут хозяйничает?

– Ну и бдительная ты, баба Маша.

Баба Маша посмотрела на него жалостливо, всплакнула, утерла кончиками шали слезящиеся глаза.

– Осиротел ты, Иван. Один-одинешенек остался, натворил дел, а другим расхлебывать пришлось.

– Не томи, что случилось? – спросил и почувствовал, как похолодело в груди.

– Слушай, коли так. Вскорости после приезда дочери Семеныч слег и не встал более. То ли время пришло, то ли от огорчения. Осталась Лариса с сыном. Правду говорят, беда одна не

приходит. Через год Максим слабеть стал. Она по врачам ходила, ноги истоптала. Признали белокровие. Надо операцию делать. Не у нас, за границей. Где такие тыщи достанешь? Кто даст? На глазах таял малец и сгинул вслед за дедом. Лариса умом тронулась. День-деньской у могилки просиживала и летом, и осенью, и зимой. Босая, раскрытая. Чем питалась, одному богу известно. Простудилась, кашляла сильно, лечиться не хотела. Бог ее и прибрал. За день до смерти попросила меня: «Приедет скоро Иван, скажи, чтобы не оставался, уезжал побыстрее. Иначе гибель его ждет». Схоронили сердешную. В аккурат девять дней сегодня. Чуть не успел.

Баба Маша тяжело вздохнула и умолкла. В наступившей тишине трещали в печи дрова, и казалось Ивану Петровичу, не они горят, а его непутевая жизнь.

– Что делать то будешь? — спросила баба Маша.

Иван Петрович не ответил. Соседка посидела еще немного.

– Пойду, старик мой, небось, беспокоится.

– Боголепов вновь промолчал. Баба Маша тихонько вышла, приговаривая: «Прости его господи и сохрани». До утра Иван Петрович мерил шагами комнату из угла в угол, а когда рассвело, взял деревянную широкую лопату, сработанную тестем, и пошел на кладбище. Тщательно очистил от снега могилки, отметил, что есть одно свободное место. Смотрел он на кресты, под которыми лежали дорогие ему люди, и удивлялся, почему они, а не он землей прикрыты. Впервые не знал Боголепов, как ему быть.

Домой вернулся под вечер. В избе натоплено. Баба Маша картошки наварила, на стол собрала.

– Помяни своих. Дед мой больной. Я с тобой чуток пригублю.

– Спасибо, баба Маша. Ком в горле стоит, не продохнуть. Тоскливо, мутрно на душе.

– Выпей и полегчает. Верно, говорю.

Иван Петрович налил тонкий стакан по ободок и выпил на одном дыхании. Тепло разлилось по телу, захотелось есть. Он пододвинул тарелку с картошкой, полил сметаной. Баба Маша обрадовалась.

– Вот и ладно, вот и хорошо. Перекуси. Завтра я к тебе загляну.

Боголепов подкинул дров, устроился на низенькую скамеечку, привалился спиной к теплему боку печки и незаметно задремал. Проснулся оттого, что по глазам полоснул яркий свет автомобильных фар: «Быстро вычислили братки. Натасканы не хуже гончих псов». Иван Петрович открыл окно, выходящее во внутренний двор. План созрел мгновенно: через поле и лесопосадку выйти к реке, перейти по льду на ту сторону. Там на попутку, и ищи ветра в поле. Он отошел не больше ста метров, когда его заметили. Раздался сухой хлопок выстрела. Стреляли в воздух. Пока. Раздался голос Василия.

– Стой, Петрович, верни флешку и свободен.

Боголепов продолжал бежать. У самой кромки лесопосадки оглянулся. Расстояние неуклонно сокращалось. Вот и обрыв. За рекой мелькали огоньки машин. Неужели повезло? Глянул вниз и увидел ошестинившиеся прутья арматуры. Тесть писал о строительстве очистных сооружений. За спиной послышалось прерывистое дыхание преследователей. Иван Петрович повернулся к ним лицом. Быков жестом остановил оперативников и вновь обратился к Боголепову.

– Петрович, отдай флешку.

– Черт с тобой, забирай.

Обрадованный, Василий подошел вплотную. Иван Петрович шагнул навстречу, крепко прижал Быкова к себе, оттолкнулся ногами о край обрыва и упал навзничь. Торчащая, словно пики, арматура легко проткнула их тела. Смерть была легкой и мгновенной.

УМИРАЮЩИЕ ЗА НАС

Ночью я дважды просыпался в холодном поту, нервно шарил дрожащими пальцами, включал настольную лампу, смотрел на будильник, облегченно вздыхал: «Слава богу, не проспал», – откидывался на подушку и забывался в тревожном сне. Завтра, нет уже сегодня в девять часов местного времени я должен быть в кабинете координатора Всемирного центра изучения человека господина Ноумена. Именно так – человек по фамилии «имя» – никто. Пятнадцать лет я трудился в лаборатории, которая занималась разработкой методик установления контактов с потусторонним миром. За это время ни я, ни старейшие сотрудники лаборатории и ее заведующий Самвел Саакян, никто лично с господином Ноуменом не общались. Ежегодно в конце декабря координатор заслушивал отчеты руководителей институтов и отдельных лабораторий по селекторной видеосвязи. Совещания вел его заместитель. Сам Ноумен сидел в углу за рабочим столом в полутьме. Его не показывали крупным планом. Только иногда звучал его голос. После таких отчетов примерно через месяц приходил подробный анализ деятельности лаборатории с оценкой каждого сотрудника и задачами на год. Очень грамотно и толково, не придерешься. Все признавали за Ноуменом ясный ум и талант руководителя. А то, что отсутствует личное общение, да кому оно нужно в технотронном обществе, где люди давно превратились в машины или придаток к ним. Поэтому причины для волнения у меня были. К тому же на работу вовремя я ни разу не являлся. Опаздывал на две-три, максимум на пять минут. Но опаздывал. Зачем я понадобился господину Ноумену? Сколько не ломал голову, ничего вразумительного придумать не мог. Позвонивший домой мужчина, который и сообщил о встрече, предупредил, что об этом не должен знать никто. Советоваться не с кем. Бесконечная ночь подходила к концу. И, разумеется, самый крепкий сон свалил меня под утро. Я опаздывал. Кое как побрился, умылся и с помятой, измученной физиономией ровно в девять ноль ноль поднимался в лифте на этаж, где расположена наша лаборатория. Двери лифта открылись, я сделал шаг на площадку. Дальше путь преградили два огромных негра, одетых во все черное. Один из них ткнул меня пальцем в живот: «Федор Феоктистов?» Его палец, казалось, достал до позвоночника. Пока я соображал, второй сверил по видеоплееру мое изображение с оригиналом и удовлетворенно кивнул: «Он». Они подхватили меня под руки и втащили в лифт. Тот, который массировал пальцем мой живот, набрал код, и лифт взмыл вверх. Негры расслабились, повернулись ко мне и дружно гаркнули.

– Извините, мистер, за грубость, мы опаздываем.

– Кто и куда? – изумился я.

– Мистер Феоктистов к мистеру Ноумену, – прозвучал ответ.

В три верхних этажа нашего небоскреба доступ был строго ограничен. Что там находилось? Кто работал? Чем занимался? Я, во всяком случае, не знал. Лифт остановился. Мне завязали глаза и повели. Ноги бесшумно ступали по ковровому покрытию. Я услышал характерный звук автоматически открываемых дверей и женский голос: «Шеф недоволен». По тому, как мгновенно вспотели ладони охранников, словно наручниками стискивавшие мои запястья, я понял, насколько это серьезно. Без лишних слов повязку сняли, и секретарша пригласила войти в кабинет. Я вошел и поразился его размерами. Круглый зал метров сорок в поперечине. Стены сплошь покрыты жидкокристаллическими панелями. Посредине на красивой бронзовой подставке медленно вращался глобус Земли диаметром метров пять. Изображения материков, островов, морей и океанов также представляли собой жидкокристаллические экраны. В правой, противоположной от входа стороне на невысоком подиуме стол из матового черного дерева. Раздался доброжелательный мягкий голос, тем не менее заставивший меня вздрогнуть.

– Я рад нашей встрече, господин Феоктистов, и одновременно огорчен тем, что она началась с некоторым опозданием.

Из-за стола поднялся и пошел мне навстречу господин Ноумен.

«Он, наверно?», – спросил я себя, – «кто же еще?».

– Вы совершенно правы. Это кабинет координатора Ноумена.

– Учитывая важность проблемы, времени окончания беседы я не называю, – обратился он к секретарше, которая, оказываясь, стояла за моей спиной.

Та кивнула, вышла и прикрыла за собой дверь.

– Давайте устроимся здесь.

Координатор подвел меня к мягким, уютным креслам, рядом с которыми в небольшом бассейне игрались красные рыбки. Вода вытекала из низкого грота, сложенного из плотно пригнанных небольшого размера черных гранитных валунов. На самом гроте стоял аквариум, единственное, зеленое пятно на общем нерадостном серо-стальном фоне.

Я, нимало не смущаясь, откровенно разглядывал координатора. Когда еще повезет. Вроде ничего особенного. Типичный образец интеллектуала. Среднего роста, чуть сутулый. Яйцеобразная голова. Лысый череп. Тонкие, невыразительные губы. Слегка скошенный подбородок. Я искал, что же выделяет координатора, благодаря чему он оказался на немыслимой высоте в иерархии человеческого сообщества.

– Внешность обманчива, – произнес Ноумен, – она не дает понимания сущности. У вас еще будет возможность составить представление обо мне. Но это не главная ваша задача. Наш выбор – результат анализа сотен кандидатов. Конечно, ошибка не исключена, однако, по крайней мере, она сведена к минимуму.

– Ваши слова никак не приблизили меня к пониманию, почему и для чего я здесь, – получилось не совсем вежливо.

Координатор поморщился, однако продолжил по-прежнему размеренно, четко и ясно. Говорят, в молодости его лекции были расписаны на год вперед, как гастрольные выступления знаменитостей.

– Сейчас вы приобщитесь к тайне, о которой знает не более десяти человек на планете Земля. Если быть точным, то девять. Готовы ли взвалить на молодые плечи столь тяжкий груз?

– Все завит от цели, – задумавшись, произнес я.

– В самом общем виде – спасение человечества.

– Если это не просто красивые слова, то да, готов.

– Нет, не красивые слова, реальность. Учтите, спасение человечества может потребовать и жертв. Впрочем, постараемся обойтись без них. Приступим к сути проблемы. Двести лет назад группа ведущих ученых пришла к выводу о необходимости продления человеческой жизни. Создание биороботов, замена отдельных органов, профилактика принципиально вопрос не решали. Клонирование отвергли как потенциальную угрозу существования человечества. Проблему сформулировали так: «Обеспечить продолжительность жизни в пределах ста пятидесяти лет и более в естественной телесной оболочке за счет активизации деятельности иммунной системы и поддержания внутренней чистоты организма». Через пятьдесят лет были созданы разумные микроорганизмы. Еще пятьдесят ушло на испытания. И вот четвертое поколение живет в среднем на пятнадцать лет больше предыдущего.

– Рискованный эксперимент, мягко говоря.

– Мы не располагали резервом времени, не могли рассчитывать на помощь общественности, религиозных конфессий. Поэтому провели опыты на себе. Затем через средства массовой информации сформировали в общественном сознании угрозу о распространении атипичной пневмонии, после чего сообщили об изобретении вакцины и необходимости всеобщей вакцинации. Остальное дело техники.

– Таким образом, вы спасли человечество от вымирания.

– Я бы сказал, продлили жизнь.

– Почему бы теперь не заявить об этом?

– Во-первых, я не уверен, стоит ли делать достоянием гласности, принятые нами меры, и, во-вторых, в последние годы меня беспокоят резкие негативные отклонения на фоне общей

благополучной статистики, подтверждающей правильность выбора. Отклонения происходят в странах, где бурно протекают процессы демократизации. Аналитики до сих пор не выдвинули сколь-либо внятные предположения.

- Вы считаете, что я справлюсь лучше, чем весь ваш мощный аппарат?
- Уверен. Они исследуют следствия. Вы получите возможность изучить причины.
- Позвольте спросить, каким образом?
- Будучи помещенным внутрь процесса. Мы имеем возможность сублимировать вашу сущность до величины, сравнимой с разумными микроорганизмами, внедрить в их среду. Вы получите информацию из первых рук.

– И останусь в таком качестве на всю оставшуюся жизнь?

– Отнюдь, при желании, – координатор улыбнулся уголками глаз, – вы можете вернуться в теперешнее состояние.

- Есть ли гарантии?
- Мы предпримем все необходимые меры.
- Почему выбор пал на меня?

– У вас есть опыт общения с потусторонними существами, вы авантюры по характеру и не обременены семьей.

- Значит, разумные микроорганизмы – потусторонние существа?
- Можно считать так.

Я откинулся на спинку кресла. Вот чем силен координатор. Ему веришь, к нему испытываешь доверие с первых минут общения. Из мелких, незначительных деталей складывается образ, и ты поддаешься его очарованию.

- На чем остановим выбор, молодой человек?
- Вы считаете, что есть другие варианты?
- Альтернатива существует всегда. Важно осознать, в чем она.
- Если я откажусь, вы найдете другого кандидата?
- Безусловно. Он уже есть и не один.
- Но он будет не лучше меня?
- Вы правы.
- Тогда я готов.
- Прямо сейчас?

Координатор улыбнулся широко и открыто, и стало ясно, что суровость его облика результат огромной, нечеловеческой ответственности и постоянной занятости.

– Торопиться не будем. Несколько дней проведете в изоляторе. Вас всесторонне обследуют. Очистят организм. Мой заместитель подробно проинструктирует по разумным микроорганизмам и вашим задачам.

– Кто же тот счастливчик, к которому я попаду?

– Принципиального значения не имеет. Могу сказать, что это будет россиянин. Я говорю вам «до встречи». Вы решились на достойный поступок, и я отношусь к вам с большим уважением.

Координатор протянул мне руку. Рукопожатие оказалось по-мужски сильным. Он задержал мою ладонь в своей руке дольше, чем при обычном прощании. Очевидно, это выражало высшую степень расположенности. На большее координатор просто не был способен. Может я и ошибаюсь.

Дальше все пошло по намеченной схеме. Многочисленные исследования здорово выматывали, и вечером я засыпал сном праведника. Затем я попал в руки заместителя Ноумена, который лично готовил меня к выполнению предстоящей миссии. После чего мне вручили чистый лист, ручку, попросили написать, что на эксперимент я иду добровольно, о возможных последствиях предупрежден и действую осознанно.

В то утро я проснулся и сразу понял: что-то произошло. Пространство вокруг меня было наполнено щупальцами, присосками, переплетено жгутами сосудов. Я закричал дурным голосом: «Помогите! Кто-нибудь помогите!» В этом крике было столько отчаяния, безысходности, что мне стало по-настоящему страшно. Страшно от понимания того, что со мной случилось, и от неизвестности. За переживаниями я не заметил, как оказался окружен лимфоцитами, на каждом из которых находился небольшой вооруженный отряд. Ни дать, ни взять – варяги на своих ладьях. Я назвал пароль. Старший кивнул, двое воинов подхватили меня, и я оказался на мягкой спине лимфоцита. «В штаб», – коротко скомандовал старший. Я знал, что руководство разумными микроорганизмами осуществляет верховный главнокомандующий, размещавшийся в центре головного мозга в районе таламуса. Доставили без замечаний. Я предстал перед очами Верховного, который ничем не отличался от своих подчиненных. Только лоб был перехвачен узкой прозрачной лентой, цвет которой постоянно менялся.

– Удивлен и обеспокоен, – произнес Верховный, — вы первый и единственный из внешнего мира, кто посетил нас. Как расценивать ваш визит?

Я объяснил ситуацию. Главнокомандующий задумался, внимательно, изучающе посмотрел на меня, словно решал, насколько откровенным можно быть с пришельцем.

– Хорошо, посланец, я поделюсь своими соображениями. Надеюсь, они помогут найти причину. Наша организация полностью автономна и основана на полном и беспрекословном подчинении. Она состоит из подвижных передовых отрядов, с которыми вы встретились, групп защиты клеток, расположенных внутри клеточных мембран и стратегического резерва. Иммунная система человека имеет определенное время запаздывания. Она начинает действовать, когда в организме накопится достаточно большое количество вредных бактерий, вирусов, чужеродных клеток. Поэтому, как правило, первыми вступают в бой подвижные отряды. Они несут наибольшие потери. Смерть в бою считается высшей честью. Однако, с недавних пор некоторые воины стали высказывать сомнения, обсуждать приказы: «Почему мы должны умирать за кого-то? Пусть умирают белые кровяные тельца, которые прячутся за наши спины». Разумеется, каждый подобный случай расследуется, виновные жестоко наказываются. Но подобные настроения получают все большее распространение. Я не представляю, что происходит во внешнем мире. Однако ясно вижу, что человеческий организм, ранее работавший четко и слаженно, разбалансирован. Красные кровяные тельца – эритроциты устроили недавно забастовку, которая едва не привела к остановке сердца. Они требовали перехода на восьмичасовой рабочий день, организации посменной работы. Клетки слизистой прямой кишки заявили, что отказываются трудиться в антисанитарных условиях. В общем, разброд и шатание. Мне, кажется, возмущению способствуют некие внешние причины.

Верховный не успел договорить. Прозвучал сигнал тревоги. Лента на его голове наполнилась алым цветом.

– Высшая степень опасности, – бесстрастно констатировал он и начал отдавать необходимые распоряжения.

– Вы останетесь здесь под усиленной охраной. Я отвечаю за вашу безопасность.

– Нет, уж если я попал сюда, то должен видеть собственными глазами, что происходит.

– Тогда вперед.

Мы двинулись в район сражения и когда прибыли нам, предстала удручающая картина. Передовые отряды разумных микроорганизмов были уничтожены почти полностью. Прибывший резерв топтался на месте, проявлял нерешительность и не вступал в бой. Верховный мгновенно оценил обстановку, разорвал цепь, окружавших его телохранителей и выступил вперед.

– Воины, мы родились, чтобы умереть и дать жить другим. Выполним свой долг. Я покажу вам пример.

Главнокомандующий увлек за собой войско. Иммунная система увеличила плотность лимфоцитов, которые плотным кольцом окружили и уничтожали неприятеля. Недаром они

получили название киллеров, клеток-убийц. Совместными усилиями прорыв был ликвидирован. Большая часть проникших в организм клеток-вирусов уничтожена. Разумные микроорганизмы организованно отступили, предоставив возможность иммунной системе действовать самостоятельно. Верховный получил серьезные ранения. Его погрузили на персональный лимфоцит и отправили в центр. Я сопровождал его. Едва добрались до места расположения штаба, как вновь передали оповещение о вторжении. Главнокомандующий ослаб настолько, что не мог встать. Он снял с головы ленту и повязал ее своему заместителю.

– Иди и возвращайся с победой. Я верю в тебя.

Мы остались одни, не считая группы телохранителей. Верховный обратился ко мне.

– Вы нашли объяснение происходящему?

– Да. Простое, как и все гениальное. Конечно, это моя версия. Обретение свободы приводит в смятение человека и общество, что, в свою очередь, чревато непредсказуемыми последствиями. Теряются привычные ориентиры, рушатся идеалы. Душа мечется, суетится, не может успокоиться и приводит в подобное состояние тело. Налаженные физические, химические, электрохимические, психические и прочие процессы дают сбой. А поскольку разумные микроорганизмы входят в геном человека, они естественно попадают в это возмущенное поле.

– Где же выход?

– К сожалению, готового рецепта нет. Если получится, я доведу свои соображения до руководства. За ним окончательный диагноз и выводы.

– Сколько времени вам потребуется?

– Через двое суток я должен вернуться, иначе будет поздно.

– Мы продержимся. Даю слово.

ПОСОХ

После ужина я решил, наконец, разобрать фотографии. Изо дня в день откладывал, не заметил, как несколько лет пролетело. Альбомы лежали пустые, словно дома не заселенные. Снимки в большинстве своем, любительские, черно-белые, уносили в мир прошлого. Вот офицерский состав лодки, любовно называемой подводниками «букашкой» Молодые беззаботные, улыбающиеся лица. Разве подумаешь, что за плечами у парней несколько «автономок», жизнь в прочном корпусе, где даже воздух пропитан запахом железа. Среди всех выделялся ростом старпом, Виктор Медведев, по прозвищу Медведь. Несмотря на грузную фигуру, был он подвижен, энергичен, мгновенно ориентировался в обстановке.

Воспоминания прервала жена:

– Ты, что не слышишь, телефон разрывается?

– Кто?

– Не представился. Голос такой, что пришлось трубку от уха отстранять, чтобы перепонки не лопнули. Я подошел к телефону.

– Слушаю, Полухин.

– Васька, здорово, – прогудело в ответ, – не узнаешь?

– Поди, не признай тебя.

– Отлично. Порыбачить не желаешь? Он помнил о моей страсти

– Не откажусь.

– Заметано, собирайся, поедем.

– Когда?

– Заеду через два часа. Успеешь собраться? Это было в его духе.

– Вполне... Постой, постой. Какая рыбалка, что у тебя со здоровьем?

– Здоровье в порядке, спасибо зарядке. Увидимся, поговорим. Жди.

Вот дает Медведь. Только о нем подумал, он тут, как тут. Я вернулся к столу, взял отложенную фотографию. Жаль, не повезло парню. Мы возвращались после отработки задач в базу. Легкий корпус лодки обледенел. Матросы из швартовой команды скользили по палубе, с трудом удерживали равновесие. Виктор метнулся вниз с ходового мостика и при выходе из рубки поскользнулся, опрокинулся навзничь и рухнул на комингс. Удар пришелся на позвоночник. Медведев от боли потерял сознание. В госпитале сделали операцию, но на ноги не поставили. Виктор переживал свою неполноценность страшно. Мысль вынашивал покончить с собой. Таблетки снотворные собирал, прятал под подушкой. Ребята часто его навещали, литературу носили. Медведев потихоньку читать начал. Отвлекаться. Особенно ему Дикуль понравился. Однажды прихожу к нему, а Виктор чертеж протягивает.

– Сделай, – говорит, – начинаю новую жизнь, добыю своего, буду ходить.

Мы тогда с облегчением вздохнули. Если Медведев за что-то брался, до конца доводил обязательно. Хотя, честно говоря, верилось в успех мало.

Через полгода отправили меня в Питер на классы. Когда вернулся, узнал, что Виктор на костылях передвигаться начал, с женой развелся и исчез. Концы в воду. Ни слуху, ни духу. И вот объявился. Ровно через два часа раздался звонок в дверь. Другого не ожидал. Виктор переступил порог. Обнялись.

– Ты поосторожнее, – пробасил он, – я все-таки пока инвалид.

– Спустились вниз. У подъезда новенькая «Ока».

– Мой самый верный помощник, – Медведев похлопал по капоту и обратился ко мне, – давай штурман, прокладывай курс.

Я достал карту трехверстку. Раньше на таких картах стоял гриф «секретно», теперь же в киосках свободно продают. Подробно объяснил маршрут. Не далеко, до темноты должны успеть. Медведев вел машину неуверенно, смущался. Я его успокоил:

– Расслабься, что ты лапами в руль вцепился.

– Не говори, с «Букашкой» проще управлялся.

– Придет срок, и с этой техникой справишься.

Память Виктора не подвела, ни каких уточнений не потребовалось. Добрались без приключений. Только перед тем как свернуть на просеку уточнил.

– Пройдет мой вездеход?

– Не беспокойся, самый малый вперед.

Мы углубились километра на два. Лес стоял сплошной стеной.

– Где же озеро? – спросил Виктор.

– Вылезай, приехали.

– Вроде не по грибы собирались, рыбачить.

– Не лукавь Медведев, пообщаться захотелось. Но рыбалку обещаю и уху классную. Шагай по тропинке.

Деревья неохотно расступались, цеплялись ветками за одежду, вещи. Затем, словно убедившись, что свои, расступились. Открылось небольшое, почти правильной, круглой формы озеро. И хотя бывал я здесь часто, не переставал удивляться его красоте. Медведев остановился:

– Вот это, да. Волшебное место, — только и смог выговорить он

– Давай, давай, проходи, еще налюбуйся. Палатку ставим здесь. Место для костра направо. Сушняк наберем сейчас, – командовал я.

Разместились быстро по-флотски. Разожгли костерок, расстелили кусок брезента, разложили нехитрую снедь. Медведев извлек из рюкзака бутылку «Флагмана».

– Успеем до вечернего клева?

– И выпить успеем, и поговорить, – утвердительно кивнул я.

– За встречу, – произнес Виктор, коротко выдохнул и залпом выпил.

Я улыбнулся. Привычка эта осталась у Медведя с флотских времен, когда баловались не разведенным спиртом и закусывали «мануфактурой» – нюхали рукав. Виктор понял. Глаза стали смешливыми, оттаяли.

– Начались воспоминания? Не рано? Еще два тоста впереди.

– Святое дело, – согласился я.

– Расскажи о себе, – попросил Медведев

– Докладываю. Со службы уволился. Женился. Дочь растет. Море не бросил. На танкере вторым помощником. Английский язык пригодился. Жить можно. У тебя то, как? Исчез ни привет, ни ответа.

– У меня история долгая. Выговориться надо, много накопилось. Готов? Выдержишь?

– Так точно, товарищ капитан-лейтенант, – шутливо отрапортовал я, уловив в его голосе скрытое волнение

– Ну, внимай тогда и не осуждай поспешно. Год понадобился мне, чтобы на ноги встать и с помощью костылей передвигаться. Вроде успех, да радости мало. Жена молодая, зачем ей муж калека. Жалось мне ни к чему. Настоял на разводе. Супруга особенно не сопротивлялась, так приличия ради. Мне дышать легче стало – свободный человек. Собрал шмотки и махнул в деревню к родной бабке, Анне Кузьминичне, в Архангельскую губернию, в глухомань. В тех местах староверы скиты когда-то строили. До них, язычники от православной веры спасались. Анна Кузьминична, знахарка знатная, не в первом колене. До восьмидесяти дожила, к врачам не обращалась и другим в редких случаях советовала. Взялась за меня. И зельем горьким поила, и мазями растирала, и наговоры шептала. Сама с лица спала, ослабла, но мне здоровье поправила. Ходить стал без костылей, с палочкой. Только прежней силы в ногах не было. Бабка и говорит.

– Чем могла, помогла. Теперь в храм ступай, к богу обращайся. Дойдет твоя молитва, поможет. Нет, стало быть, грешен, и не прощен.

Не послушал я бабкиного совета. Зачем в храм идти, попробую с Иисусом лично пообщаться. Помнишь, наверное, как я оккультной литературой увлекался, экстрасенсорикой. Ребята надо мной подтрунивали, когда пытался их убедить, что мне достаточно пяти минут, для восстановления работоспособности. Задумал я на сына божьего медитировать. Месяц ежедневно по часу отключался, то блуждал по каким-то развалинам, то вниз опускался, так глубоко, что жаром обдавало, то вверх поднимался и до костей промерзал. Совсем, отчаялся, и тут в один из сеансов непроглядную темноту луч света прорезал, и я по нему всплывать стал. Тьма отступила и предо мной предстала мощная шестиугольная крепость, сложенная из неправильной формы глыб, которые светились изнутри. Я обошел крепость. Входа нигде нет. Попытался перелезть через стену, но она непостижимым образом становилась выше. Обессилев, я сел, отдохнул, поднялся и принялся стучать кулаком, затем разогнался и бросился на стену головой. Удара не последовало. Меня отбросило, словно мяч от туго натянутой сетки. Я вновь и вновь устремлялся на штурм в надежде разрушить препятствие. Безрезультатно. Шли дни, недели. Несмотря на бесплодность попыток меня азарт охватил. Когда я в очередной раз подлетел к крепости, то с удивлением увидел в том месте, где безуспешно колотился об стену аккуратную дверь. Она легко отрылась, и я очутился внутри замкнутого пространства, столь ярко освещенного, что пришлось зажмурить глаза. Свет исходил от огромного шара, висевшего в воздухе. На поверхности шара выделялся темный крест. При приближении к шару крест начинал вращаться, и неведомая сила отбрасывала меня в сторону. Теперь я проходил сквозь стену, однако дальше дело не шло. Я совсем пал духом и решил: попробую еще и шабаш. На удивление крест был неподвижен. Его цвет менялся от темно-красного до алого. Неожиданно из него вышел старец с посохом в правой руке. Среднего роста, сухошавый. Лицо европейское, слегка вытянутое. Высокий открытый лоб. Прямой нос. Густые спадающие на плечи волосы. Борода. Белые одеяния. Глаза серые, слегка выпуклые, строгие, излучали такую мощную энергию, что,

казалось, просвечивали насквозь. Но в уголках их затаились добрые морщинки, которые старец старался скрыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.